

— Отстань, мой отец здесь, не будь глупым, позоришь меня, — притворился Ян И, будто он глубокомысленный и загадочный.

— Ладно, оставайся дома и «заботься о своём здоровье», в тот день ты сильно устал, — Гэ Цзюньдун явно подкалывал Ян И, чтобы задеть его.

— Ты хочешь умереть?! — Ян И пнул Гэ Цзюньдуна.

— Ха-ха... — Гэ Цзюньдун перестал его дразнить. Если Ян И разозлится, то ему не пройти через Ло. — В общем, то, что случилось тем утром, я не специально. Прости, я...

— Где угнетение, там и сопротивление, — Ян И понял. — Я тогда слишком разозлился и забыл о мере. Извиняться должен не ты.

Ян И редко разговаривал с Гэ Цзюньдуном так серьёзно. Гэ Цзюньдун даже подумал, что это сон. Ян И больше не вёл себя как игривый ребёнок. Может, он вырос, а он этого не заметил? Или он всегда вёл себя как ребёнок? Проведя с Ян И много времени, Гэ Цзюньдун уже давно считал его своим сыном. Зная, что он стал более осознанным, Гэ Цзюньдун улыбнулся с облегчением и погладил его по голове. Ян И не оттолкнул его руку, и атмосфера между ними изменилась.

—

В этот день Сун Сяобэй проработал в лапшичной всего четыре часа, а затем вернулся домой. Из-за состояния здоровья матери он попросил выходной на вторую половину дня. Добрый хозяин лапшичной не только согласился на его просьбу, но и с сочувствием поинтересовался его делами. Сун Сяобэй чувствовал, что даже в трудные времена ему везёт, ведь он всегда встречает хороших людей.

— Мама, тебе всё же нужно сходить в больницу, — Сун Сяобэй приготовил для матери суп с лапшой и принёс его в комнату, где она лежала.

— Несколько дней назад я уже ходила с Сяолин, и нам выписали лекарства, — мать Сун Сяобэя указала на несколько маленьких пакетиков на тумбочке. — Вот эти пакетики и бутылочка, похожая на сироп от кашля, обошлись мне больше чем в 200 юаней. Ты только подумай, это же просто грабёж.

— Лекарства могут быть дорогими, — поставил лапшу на тумбочку, — но если они помогут тебе выздороветь, то они стоят любых денег.

Сун Сяобэя не волновали деньги, даже если его семья была бедной.

— Проблема в том, что мой недуг неизлечим. Даже если буду лечиться и принимать лекарства, это будет пустая трата.

— Мама, не говори так.

— Сяобэй, я старею, и однажды уйду от тебя и Сяолин. Это естественно.

— Мама.

Сун Сяобэй не мог сдержаться. Мать протянула руку, открыла первый ящик тумбочки и достала оттуда фотографию без рамки. На фото было пять человек. Она осторожно провела

пальцем по краю фотографии, касаясь лиц изображённых на ней людей.

— Это единственная наша семейная фотография.

— Мама?

Это предзнаменование? Когда человек готов уйти, он постоянно вспоминает прошлое.

— Твой отец в молодости не был заядлым игроком. Он был красив и полон энергии. Но однажды, уехав на заработки, он всё изменил, — вспоминая прошлое, мать Сун Сяобэя смахнула слезу. — Я помню, когда мы отправляли тебя учиться в город, твой отец ради твоей учёбы брал деньги в долг, унижался перед людьми, работал на трёх работах, изматывая себя до предела, и даже в еде себе не позволял мяса. Все в деревне хвалили его как образцового мужа.

Она всхлипнула.

Сун Сяобэй знал это.

— Мама, не думай об этом. Всё это в прошлом.

— Я знаю, но я виновата перед твоим братом.

Мать Сун Сяобэя вдруг разволновалась.

— Я знала, что мой муж стал плохим, но всё же позволила Сяоси уйти с отцом.

Она несколько раз ударила себя в грудь.

— Четырнадцатилетний ребёнок, и вот его больше нет. Это моя вина, моя вина...

— Мама... не делай так.

Сун Сяобэй наклонился к ней, схватил её руки, чтобы остановить.

— Это был несчастный случай. У каждого бывают несчастные случаи, правда?

Мать Сун Сяобэя покачала головой.

— Это не несчастный случай. Он... он...

Она посмотрела прямо на лицо Сун Сяобэя.

— Это твой отец сделал это намеренно. Он сказал, что слишком много детей — это обуза, и если не отдать одного, то лучше его выбросить. Я думала, он шутит... Я думала...

Это была правда, которую Сун Сяобэй никогда не сомневался, что смерть его брата была несчастным случаем. Это было ужасно, невероятно, настолько чудовищно, что его отец был не только игроком, но и убийцей. Сун Сяобэй чувствовал печаль и стыд за такого отца. Внезапно в его голове раздался гул, и он почувствовал пустоту. Независимо от того, сколько слёз он прольёт, сколько раз будет винить себя, мёртвого не вернуть.

Сун Сяобэй примет это, но ему нужно время. Он медленно отпустил руки матери и сел на край кровати, глядя на её полное раскаяния лицо. Он не мог сказать, что она была неправа, ведь она была его матерью. Он не мог её винить, потому что у него не было на это права. Что он мог

сказать? Она была права или нет, но он должен был её понять.

Время шло быстро, наступил вечер.

Гэ Цзюньдун думал, что после ужина хозяин и молодой господин отправятся гулять по ночному рынку, и он сможет спокойно провести вечер в доме хозяина. Но он не ожидал, что ещё до десяти часов его вызовут за ними. Гэ Цзюньдун поспешно вышел из дома Ло, сел в машину и поехал к указанному месту.

— Хозяин!

Гэ Цзюньдун вбежал в лавку, запыхавшись.

— Я здесь.

— Знаю, что ты здесь, — первым ответил Ян И, который всегда был болтлив. Кто ещё, если не он? — Где машина?

— Молодой господин, ты думаешь, я пешком пришёл? Машина, конечно, снаружи.

Гэ Цзюньдун показал ключи от машины.

— Мне идти с вами?

— А если я скажу «да»?

Гэ Цзюньдун почувствовал головокружение.

— Гэ Цзюньдун, Гэ Цзюньдун, ты обречён на тяжёлую работу. Хозяин зовёт на сверхурочные, и я иду.

Делать нечего, Гэ Цзюньдун не просил хозяина отпустить его.

Ло поднял Ян И на руки, а тот, обняв его, глупо засмеялся.

— Конечно, ты не пойдёшь с нами. Ты такой большой фонарь, что если мы захотим что-то сделать, сначала придётся тебя попросить уйти. А если дело срочное, то на это уйдёт много времени.

В словах Ян И было слишком много неприличного. Гэ Цзюньдун потер ухо.

— Молодой господин, не говори так открыто о своих интимных делах. Я не из тех, кто любит такие разговоры. Я традиционный, пожалуйста, не навязывай мне свои взгляды, это бесполезно.

Когда Ян И и Гэ Цзюньдун встречались, их разговоры всегда были полны ерунды. Ло не любил такие бессмысленные разговоры и, держа Ян И на руках, прошёл мимо Гэ Цзюньдуна, забрав у него ключи. Ян И, увидев грустное лицо Гэ Цзюньдуна, сказал:

— Когда-нибудь мы с тобой поедем выбирать машину, купим тебе крутую тачку, не грусти.

— Ох... молодой господин...

Впервые, впервые Гэ Цзюньдун услышал от Ян И что-то человеческое.

— Ты такой заботливый, эти слова тронули меня до глубины души.

Он сделал вид, что вытирает слёзу.

— Тогда отдай мне свой первый раз, — громко заявил Ян И.

Лицо Гэ Цзюньдуна тут же позеленело.

— Ха-ха...

Смех Ян И прервался, когда Ло закрыл дверь машины.

С таким демоном рядом Гэ Цзюньдун понял, что спокойной жизни ему не видать. Оставшись без машины, он не стал вызывать такси и пошёл пешком по тротуару, глядя на звёзды, пока не добрался до своего дома.

Дома было темно. Гэ Цзюньдун вздохнул. Сколько ещё продлится эта одинокая и непонятая жизнь? Он уже старался привыкнуть к одиночеству, но оно продолжало ранить его на разных уровнях. Достав ключи, он открыл дверь, вошёл, включил свет, закрыл дверь, переобулся и направился в гостиную. Протянув руку к буфету, он достал бутылку белого вина, небрежно открыл её и сделал несколько глотков прямо из горлышка. Вспоминая свои страдания и раны, он смотрел, как приходят незнакомцы и как они умирают. В лужах крови отражалось другое лицо Гэ Цзюньдуна. Дни шли своим чередом, и каждый день он старался находить радость в страданиях. Но после нескольких глотков вина улыбка исчезла.

Гэ Цзюньдун старался не напиваться, поэтому, выпив семь десятых бутылки, он перестал пить. Поставив бутылку на журнальный столик, он упал на диван, закрыл глаза и постепенно уснул.

<http://bllate.org/book/16174/1450277>